

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«Романтическое настроение»

Даниэла Стил

Хочу «Оскар»!
Тайна ее прошлого
Наваждение
День рождения
Прости меня за любовь
Отзвуки эха
Невозможно
Отныне и вовек
До конца времен
Свет в окне

Нора Робертс

Я выбираю тебя
Драгоценности солнца
Слезы луны
Сердце океана
Слухи об ангелах
Подсказка
для спящей красавицы
Отныне и навсегда
Черная роза
Луна над Каролиной

Сандра Браун

Дом, в котором нет тебя
Пламя страсти
Тайный брак
Дороже всех сокровищ
Свадебный венок
Жажда
Парк соблазнов
Буря в Эдеме
Метель в моем сердце

ОЛИВИЯ УЭДСЛИ

*Маленькие
радости*

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У97

Olive Wadsley

THE FLAME

Copyright © 1913 by Wadsley Olive

Перевод с английского Ю. Гончарова

Художественное оформление С. Ляха

Уэдсли, Оливия.

У97

Маленькие радости / Оливия Уэдсли ; [пер. с англ. Ю. Н. Гончарова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-86301-3

После смерти родителей Тони вынуждена переехать к дяде. С первых же дней ее жизнь в доме становится невыносимой. Ревнуя мужа к племяннице, леди Сомарец старается всяческими способами избавиться от ненавистной ей девчонки. Ведь та, по ее мнению, некрасива и глупа. О, бедная, бедная Тони! Она уверена, что счастья больше нет! Но однажды в ее сердце просыпается любовь...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-86301-3

© Гончаров Ю., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава I

Огонь, в котором постепенно сгораем все мы, — это огонь жизни.

О. Бальзак

*Д*ля того чтобы выглядеть пьяным виртуозно, то есть так, чтобы не задевать чувства окружающих и даже не вызывать отвращения у собственной семьи, требуется определенная широта души и серьезное умение держать язык за зубами.

Капитан Сомарец находился в той стадии опьянения, которая вызывает душевный подъем. Он видел окружающее (в тот момент это была обычная унылая задняя улочка) сияющими глазами поэта.

Внезапно весь его вес и лучезарное благословение обрушились на маленькое чахлое дерево рядом.

— Одурманивающий аромат сирени, первые лучи восхода озаряют еще темную улицу, уличные фонари бросают на нее пятна света — какое великолепное зрелище! — медленно бормотал он, покачиваясь на ногах.

Он опустил взгляд и с упреком уставился на одну из своих нетвердо держащихся ног в порванном ботинке.

— Предательница, — с грустной улыбкой произнес он. Капитан пустился дальше в опасное путешествие к ближайшему фонарному столбу и, покачиваясь на ходу, приятным баритоном запел «Марсельезу». Он

добрался в пении до хоровой части, а в своем путешествии до обнесенного оградой жилища, когда маленькая девочка, примостившаяся на пороге, поднялась и пошла ему навстречу. Она взяла его за руку.

— Идем домой, — сказала она, проглатывая два слова в одном.

Капитан посмотрел на нее:

— Ты ищешь меня, дочь моя?

— Ну, идем, ты, порченный, — ответила девочка. Она была мала, совершенно оборвана, и ее белое, с заостренными чертами личико под копной нечесаных коротких волос выглядело очень смышленным. Она тащила отца легкими толчками, уцепившись за его локоть тонкими ручками. Он вдруг остановился и наклонился к ней.

— Мягкость, моя дорогая Тони, — произнес он приятным голосом, — есть добродетель, которая должна быть свойственна каждому женскому существу.

Девочка свободной рукой потерла себе лицо и чихнула.

— У меня ноги насквозь озябли, — ответила она. — Если ты не собираешься идти, так и скажи, и тогда оставайся здесь, понял?

Тони снова чихнула. Ей было очень холодно. То был понедельник — день, когда получались деньги, и ей не впервые приходилось совершать такие путешествия.

«Особое счастье, что он накачался так рано», — было ее единственной мыслью, когда они свернули с аллеи и, войдя в дом, начали карабкаться по темной, дурно пахнущей лестнице.

Когда они добрались до угла площадки, Тони по привычке осторожно запустила руку в карман отца.

«Вот счастье, — подумала она снова, — там еще остались деньги».

Она заботливо зажала несколько монет в руке и очень тихо стала вытаскивать кулак из кармана.

Капитан Сомарец подстерег этот момент, и ее рука столкнулась с его свисавшей рукой. Он нетвердо повернулся на каблуках, и его усталое, внезапно покрасневшее лицо подернулось злой усмешкой.

— Ты осмелилась, ты осмелилась, — произнес он мягко, — ты хотела украсть последние мои деньги, единственную вещь, которая — черт возьми! — вообще скрашивает жизнь. Не делай этого, моя дорогая, не делай! — Он схватил ее тонкую маленькую грязную ручку и сжимал ее до тех пор, пока она не разжала пальцы и несколько медяков не упали обратно в его карман.

Тони не вскрикнула и перенесла боль стоически.

— Я голодна, — сказала она, — и Фэйн также. — Она ухватила за его пальто. — Дай мне пенни, и мы купим себе поскребки.

Сомарец, к которому вернулось было хорошее настроение, снова сделал гримасу.

— Несносное существо, — произнес он спокойно. Он взобрался сам по последним расшатанным ступенькам и открыл дверь.

Сомарец остановился на пороге комнаты и окинул взглядом свое жилье: оно не было ни просторным, ни чистым, ни приятным. Бледные сумерки, как туман, проникали через грязные окна. Пол был без ковра.

В одном углу сломанной кровати лежала спящая женщина, с открытым ртом, с руками, как плети, свисавшими с обеих сторон. Воздух был тяжелый от испарений плохого виски.

Сомарец, шатаясь, добрался до кровати и грубо стал трясти спящую женщину.

— Проснись, товарищ моих падений и радостей, — сказал он, но она не двигалась. Он напряг всю свою расшатанную силу, и ему удалось столкнуть ее к краю кровати, после чего он растянулся сам на освободившемся месте.

Тони нетерпеливо ждала, но он не засыпал и продолжал разговаривать громким возбужденным голосом.

— Ты же снова взял их, поднимаясь домой, — сказала она небрежно.

Он послал ей проклятие и продолжал бормотать.

— Дверь открывается, — произнес он возбужденно, показывая трясущимся пальцем на дверь. Он попытался встать, но не смог. — Тони, — произнес он шепотом, в котором слышался ужас, — иди сюда!

Она подошла к кровати и, проходя через комнату, сказала:

— Войди, поганый трусишка, они оба — как мертвые.

— Тони, — закричал Сомарец, когда дверь распахнулась шире. Он лихорадочно ухватился за нее, и его скрюченные руки, как клещи, захватили ее тонкие маленькие ручки.

— Это же Фэйн, — сказала она, стараясь освободить руки. — Заходи же, не можешь ты, что ли? — крикнула она резким голосом.

Дверь открылась во всю ширину, и в комнату пробрался мальчик с остановившимися от ужаса глазами.

При виде его капитан Сомарец разразился потоками ругани. Это исчерпало его силы. Он откинулся назад, тяжело дыша. Тони резким кивком показала мальчику, чтобы он не шумел. Тот притаился у двери.

К тяжелому сонному дыханию женщины присоединилось хриплое отрывистое дыхание пьяного мужчины. Тони бесшумно повертелась у кровати и снова глубоко запустила руку в карман спящего. Она вытащила оттуда три медяка.

Мальчик поднялся и ждал, и на его напряженном лице отображался вопрос, который он боялся произнести, чтобы не разбудить спящих. Тони пробралась к нему.

— Три пенса, — прошептала она, ликуя. Дети вместе выскользнули из комнаты и спустились по лестнице.

Тони схватила брата за руку. Он был старше и больше, но руководила с первых же дней всегда она.

— Поскребки! — сказала она через плечо на ходу. Фэйн молчаливо кивнул, слушаясь. — Старый Кулик даст на кофе, я полагаю, — прибавила она.

— Кофе? — отозвался мальчик как эхо. — Клянусь богом, я бы не отказался от глотка горячего. У меня ощущение, что мои бока настолько озябли, что не согреются никогда.

— Мы сегодня сможем спать дома, — ответила Тони. — Они оба несколько часов будут как мертвые, после того, что проглотили.

— Я сегодня хотел продать за пенни один из его раскрашенных рисунков, знаешь, тот — смеющаяся

девушка и лежащий мертвый мужчина? — сказал Фэйн. — Но старуха выхватила его. Она подслушала и была только полупьяная.

Дети дошли до маленькой лавчонки. Они на мгновение засмотрелись на дымящуюся сковороду, позади которой лежали рыбины и четырехугольное желтое печенье, обильно вспрыснутое каким-то черным липким сиропом. И бледные личики покраснелись от предвкушения.

— Ты спроси, — произнес Фэйн в возбуждении. Тони вошла в лавку, наслаждаясь густым теплом и тяжелым запахом яств.

— На два пенни поскребков, и можно ли нам съесть их здесь? — спросила она, задыхаясь.

Старый Кулик кивнул в знак согласия, опустил двухпенсовик в карман, и тот со звоном упал на кучу других медяков.

Старик взял кусок газеты и сгреб туда руками небольшую кучку темных ломтков картофеля из проволочной корзинки, висевшей над тлеющими углями.

Тони почтительно взяла жирный сверток и, опустившись на колени, положила его на полу между собой и Фэйном. Оба они ели с жадностью.

Окончив, Тони вытерла руки о старое саржевое платье, которое неровными складками спускалось до ее лодыжек. Шаль, прикрывающая рваную блузу, — вот что еще составляло ее туалет.

Одежда Фэйна состояла из порванных ботинок, серой фланелевой рубашки и штанишек, притянутых до плеч и подвязанных веревочкой.

Ему было десять лет, Тони — годом меньше. Он был красив тем отрицательным типом красоты, который так легко дается правильными чертами лица, имел матовые светлые волосы и голубые глаза, несколько близко поставленные друг к другу. В Тони было мало привлекательного. Ее маленькое острое личико отличалось выражением, которое часто бывает у детей улицы и является следствием того, что им с самого младенчества неизбежно становится известной грязная изнанка жизни. Взгляд ее карих глаз отличался остротой и жадностью, как результат постоянного голодания.

Привлекательно в ней было одно — ее ноги. Они были малы, стройны и, несмотря на грубость кожи и следы ушибов, воистину прекрасны. Дети, тяжело ступая, направились домой. Пошел дождь, прекрасный холодный дождь ранней весны.

На углу аллеи несколько мальчиков позвали Фэйна, и он тотчас же вырвался из рук Тони.

— Идем же, — настаивала она тихим голосом. — Так чертовски холодно дома одной, а я совсем засыпаю.

Мальчики продолжали звать.

— Я пойду на минутку, — нерешительно произнес Фэйн. — Я..

— Я знаю, что это значит, — ответила Тони, — давно знаю.

Она добралась до комнаты, которая была домом, и вошла.

Отец и мать еще шумно спали.

Она улеглась на раскинутом на полу матраце, подобрала свои озябшие голые ноги.

Глава II

Может ли слепой водить слепого?
Не свалятся ли они оба в яму?

Аристофан

Капитан Сомарецц дошел до пропасти в самом начале своей семейной жизни, в те первые годы, когда, как принято думать, молодая жена ищет руководства со стороны своего мужа. В случае с леди Эвелиной это уступающее доверие было направлено по исключительно неудачному адресу. Муж руководил ею — это верно, но в направлении, совершенно противоположном тому, которое намечено благодетельным институтом брака и которое предписывает жене повиноваться мужу. Она была слаба, красива, легко подвержена влиянию, к тому же Индия — страна постоянных искушений.

Когда она бывала утомлена, что случалось часто, или нервничала, что случалось еще чаще, муж предлагал ей выпить чего-нибудь, чтобы «поднять бодрость». Потом она стала пить, потому что это было приятно, в конце концов это вошло у нее в привычку.

Она дошла до пропасти при поддержке своего мужа и примирилась с этим с легкостью и удовольствием, которое совершенно исключало возможность спасения.

Надо сказать правду, вокруг нее не было человека, который взял бы на себя эту неблагоприятную задачу, если не считать жены священника, которая была на редкость посредственной и вместе с тем прямодушной женщиной, а соединение этих двух качеств поло-

жительно вредно, когда приходится иметь дело с пассивной утонченностью и безразличием. Более того, совершенно невозможно воздействовать на человека, который относится к вам свысока, а леди Эвелине было свойственно дешевое высокомерие женщины благородного происхождения, но не умной по отношению к другой женщине, родом из каких-то там пригородов, не умевшей к тому же как следует носить своих платьев.

Муж ее пил открыто, она — тайно, ссылаясь всегда на свое здоровье.

Сомарец неофициально оставил армию, тем более что полк как раз вернулся из Индии, и командир полка послал за его братом как за главой семьи.

Сэр Чарльз после долгой беседы с ним в клубе направился прямо на квартиру своего брата Уинфорда.

Его требовательному вкусу претила дешевая гостиница на Паддингтонской террасе, разбросанные по всей комнате кучки детского платья, его возмущала красивая, глупая и неряшливая невестка и в особенности его собственный брат, который трясущимися руками нацеживал себе коньяк с содовой.

Сэр Чарльз был типом людей, специально созданных для того, чтобы быть помещиком в живописном имении. Эту роль он играл в совершенстве. Он знал по имени своих арендаторов и всех их детей. Он содержал в полном порядке постройки и дома своего поместья, охотился с прекрасной сворой и постреливал в пределах своих владений. Он женился довольно поздно, но весьма подходящим образом. Жена его была воспитанна, недурна, имела приданое. На судейской скамье

он был столпом закона и не боялся никого. Но, имея дело со своим братом, который был пьяницей, он был бесконечно слаб и беспомощен.

— Ну, посмотри, — начал он, стараясь быть мягким, — разве это дело жить так, как ты живешь? Скажи, пожалуйста, что означает сообщение полковника Ланкастера о твоей отставке? Ведь ты еще молодой человек!

— Я пью, мой друг, — прервал его кротко капитан Сомарец. — И, к сожалению, Эвелина также.

Леди Эвелина слегка покраснела. Она низко пала, но чувство стыда еще тлело в ней.

— У меня нервы в ужасном состоянии, — быстро заговорила она, — и жара в Индии, как вы знаете...

— И муки жажды, — закончил ее муж, грубо смеясь.

Чарльз Сомарец был оскорблен до боли. Его ум не допускал возможности таких вещей, во всяком случае, в их семье. Это неприлично, неестественно, противоречит нормальному порядку вещей. Эти люди не просто имеют склонность выпить (лекарства были предпочтительнее и более отвечали бы их общественному положению), они настоящие пьяницы, как эти матросы, которых встречаешь на улице.

Он с силой стиснул свои тонкие смуглые руки и попытался снова поговорить с ними.

— Уинфорд, знаешь, надо бросить все это. Надо считаться с детьми. Ваш образ жизни совершенно не подходит для воспитания детей. Затем ваше положение, имя, репутация — ради бога, дорогой мой, необходимо остановиться.

Он поднялся и стал ходить взад и вперед по небольшой комнате с ее дешевенькой блестящей обстанов-

кой, с которой не убиралась пыль, и с плохонькими цветными картинками на пестрых стенах.

Чувство раздражения и печали росло в нем по мере того, как он оглядывался вокруг.

Уинфорд исподтишка наблюдал за ним. Он не был пьян, но уже выпил и терпеливо забавлялся всем происходящим. После целого часа труда и бесполезных разговоров Чарльз ушел. Он направился к старому лорду Скарну, отцу Эвелины. Тот уныло сидел один в большой гостиной. Он с усмешкой слушал скорбные и пылкие речи Чарльза.

— Вы полагаете, что можете что-нибудь поделать? Вы хотите моей помощи? Милый Чарльз, вы добиваетесь невозможного. Сильного человека, как бы дурен он ни был, можно образумить и уговорить, слабый же грешник, который находит удовольствие в своих пороках, глух ко всем призывам, пусть самым красноречивым. Тюрьмы переполнены людьми, которые провинились раз, — неизменное доказательство бесполезности примеров и убеждений в тех случаях, когда слабость и порок действуют заодно. Слабость располагает иногда силой более страшной, чем любая грубая сила, — вот почему она так непобедима.

Он подвинулся вперед в своем кресле, и глаза его заблестели под нависшими густыми бровями.

— Я виделся с Эвелиной два года тому назад в Симле, — сказал он. — Я поехал туда, потому что до меня дошли слухи обо всем этом. Я думаю, что с ней одной я справился бы, но вместе с Уинфордом они легко насмеялись над моей силой. Я говорю вам, Чарльз, две слабые, но упрямые натуры совместно обладают дья-